

Я, Туревич Раиса, родилась 16 июля 1941,
в деревне Ложарь Могилевской области Климовичского
района, в Белоруссии.

Наша семья до войны жила в районном
центре Белоруссии, в Климовичи, Могилевской области.

Мой отец, Туревич Лейба Туршевич 1907.
рождения, работал кузнецом; моя мама,
Туревич Труня Симоновна 1912. рождения, работала
заведующей магазина. У мамы была такая работа,
что её знали жители всех окрестных деревень.

Очень мама уважала председателя колхоза деревни
Ложарь Языменко Василия Петровича. Он делал заявки
на инвентарь для своего колхоза и на товары для
жителей деревни. Это был немногословный, очень
серьезный и мудрый человек с добрыми глазами.

В нашей семье было четверо детей — три сестры и
брат. Перед войной мама ждала рождения пятого
ребенка.

Наша семья и семьи наших родственников
на лошадях добрались до станции Стародуб, чтобы
на поезде бежать на Восток, но немцы уже были
там и всех вернули в г. Климовичи.

Мама ночью пошла в деревню Ложарь, чтобы
посоветоваться с Василием Петровичем как быть дальше.
Языменко В.П. обратил её не шутя: „Тебя по дороге
убьют, а в вашей семье я попытаюсь помочь“.

Немцы вошли в г. Климовичи и в деревню Ложарь.
Они назначили Языменко Василия Петровича старостой:
„Тебе подчинялись при советской власти — будут
подчиняться и теперь“. Его спасло от расстрела,
что он не был членом партии.

О том, что мама переехала в семье Языменно В.П. знала его жена Авдотка, дочери Нина и Раа, его старенькая мать, жившая на краю деревни. Старший сын Василия Петровича - Федор был на фронте.

16 июля 1941 года родилась я. Василий Петрович увидел меня и сказал: "Чернява, как наша дочка Раиса". Так меня и называли Раей. Мама со мной пряталась в подвале дома и в бане на огороде. Но это было очень опасно: немцы и полицейские заходили и меня по хозяйственным вопросам.

Василий Петрович отвел ночью маму со мной и своей старенькой матери и сказал ей: "Мама, эта молодница с детьми будут у тебе жить. Ты ето заранну печьку вытопи, картошкину и ваду у печьку поставь и иди да Дамны (соседка) прятать, а на дверь повесь большой замок. Да етоб никто не ведав".

- "Сыночек, так яны не эвреи. Нам уеих расейреляють"

- Мама, тебе сколько годов?

- Восемьдесят.

- А мне пятьдесят. Я смерти не боюсь, а ты боишься. Ад нуль ты ведаеш ето з наша Федькой? Мабудь еуешие люди яду раны абмывають? А ты наеши "Авреи".

- Да не, сыночек, я не за себе за Васе и клопагу. Як ты скажешь, так я и зроблю.

- Ну и добра.

6 ноября 1941 года в г. Климовичи немцы расстреляли всех евреев.

Так погибли мои три сестры и брат. и еще двадцать два родевенники.

Эту страшную вею сообщил маме Василий Петрович. Он сказал маме:

"Труня, надо жить".

и в это время Василий Петрович ездил для мамы отцом и советником, а для меня — дедушкой.

В своей роли епископы Языменно В.П. проявлял великую мудрость и сумел сделать так, что ни один человек из деревни Тоссарь не погиб и не был отправлен в Германию. Он спас не только меня и маму, но и многих жителей деревни Тоссарь.

Немцы часто делали облавы. И Василий Петрович отвез маму со мной в глубину леса и там сделал для нас землянку. Это долго жить в землянке было невозможно. У меня были отморожены ноги и плечки примерзали к ногам. Василий Петрович вывез нас на Брянщину — там маму никто не знал. Там мама скиталась по разным людям. Затем попала в немецкий лагерь смерти. Из этого лагеря маме наметнул как бежать, на виду самый злой, польский-украинец. Мама бежала со мной и спасла ещё белорусскую семью Лезуевых — воюль человек, которые вместе с ней бежали. Как потом выяснилось, из этого лагеря людей вывозили на автобусе по 20 человек — четыре рейса в день, а затем сваливали мертвыми в ров, в поселке Ершичи, Брянской области.

Это уже был июнь 1943 года, а в октябре 1943. Советские войска освободили г. Климовичи.

После войны мама, папа и я жили в с. Климовичи. Много ближе и роднее, чем сельцо Языменно у нас не было. Василия Петровича стали периодически вызывать на допросы в районную прокуратуру, т.н. он во время войны был епископом. Это было тревожное для нас время. Мама обратилась к прокурору г. Климовичи, всё ему объяснила, но это не помогло. Василий Петровича бепономли и он каждый раз приезжал с уверенностью, что его посадят на 10 лет в тюрьму.

Тогда мама поехала в г. Минск, записалась на прием к генеральному прокурору республики Белоруссия и все ему рассказала. Прокурор был человек, который прошел всю войну и он маму понял. Он ей сказал: «Езжайте дальше, Труня Семеновна, никто Вашего Василия Петровича больше не тронет»

Свое обещание он выполнил.

Вернулся с фронта сын Василия Петровича — Федор и вскоре уехал с нею в г. Курган.

В 1955 году мы из Белоруссии переехали в г. Симферополь. Василий Петрович вместе с бабушкой Авдотной были у меня на свадьбе в Симферополе. Они были самыми позитивными и веселыми гостями. Мы никогда их не забывали.

Позже каждую осень родители ездили позить маму и папу в семью Языменков.

В ноябре 1972 года Василий Петрович умер. Мама была у него на похоронах. Вскоре умерла бабушка Авдотка.

Мои родители умерли: мама — в 1983 году, папа — в 1990 году.

В Ассасаре жила только дочь Василия Петровича Раиса, когда началась война, ей было 13 лет. В 1994, мы приехали в Израиль. Рае я все время писала письма. В 1994 и в 1995 я ей писала подробные письма из Израиля. Рае в письмах писала, что ее здоровье сильно ухудшилось после взрыва в Чернобыле.

Затем больше ответов на мои письма не было. Дети Раисы Васильевны — сын Миша и дочь Нина жили в г. Кургане, но к сожалению, их адреса я не знаю.

У Василия Петровича Азыменко было трое детей: сын Азыменко Федор Васильевич, 1921 года рождения. После войны он шел в городе Кургане в военную и приемную доверью. Сам Федор Васильевич прошел всю войну с первого дня. Жена - Анна Васильевна жила в Калюбинском районе. У нее была очень хорошая мука и трое сыновей. Младшая дочь - Раиса Васильевна всю жизнь жила в деревне Ложарь с родителями и детьми сын - Митя и дочь Анна. Дети - Митя и Анна замоначили школу и уехали жить в г. Курган, где у них свои семьи.

Все родственники села Ложарь были для нас родственниками. Как я теперь понимаю, это конечно знали, что там происходила в семье Азыменко, но среди них не было предателей.

Очень хорошо помню семью Петрачковых, особенно бабушку, который знал много сказок. Он был небольшого роста, подвижной с веселой улыбкой и у него не было понятно где глаза, а где брови. У него была пасека и от него вечно пахло медом. Он и мама часто приезжали в субботу, чтобы в воскресенье на базаре торговать медом. Мама все все принимала, как близких людей, знала кто что любит. Вискей Петрович любил фасолевый суп, Петрачков - картофельный суп с перцем и шиньянками.

Жила в деревне красавица тетя Ната. Маме у нее погиб на фронте. Она сама работала двумя дочерей. Они уехали в Ленинград.

Все деревенские горюшки ее доедали и продавали маме Мате.

И еще пошло дедушке и бабушке Павловых. У них погибли во время войны два сына летчика. Старший сын полковник — Герой Советского Союза.

Они получили большую пенсию, но тогда временами, меньше. И каждый месяц дедушка Павел приезжал или приходил пешком по шоссе в Ивановку и заходил к нам.

Он приходил чаще, вынимал их на стол пасыка и приговаривал: „Красавцы эти деньги!“

Там, как мог, его успокаивал.

А он говорил: „Ты прости меня, Лавон, дома я не ^{мо} плачу не могу, там моя моя бабка-страдалица“.

20.04.07